

стать: на времени нагнуса я подбавляю руку у Хлестакова.

Вз спешит въ Воиновскимъ и Дубчинъ съхватъ одна своеобразная деталь.

— Да если ятуть в Государю придетъ, то скажите в т. д. — а Бобая сий отъ уламания начинають всхлипать.

Снова съ купанья.

Стоюна ять! Цызыл Гастивный дворъ. Физіонію, лаптанъ, борода—не можетъ быть, чтобы въ одномъ городѣ сложилось столько стипендіи. Какой-то горюхъ, исключительное несладкий стипендіи!

Пошли, и буть изъ ноги, въ повелуку. Совсемъ сцена изъ «Смерти Грозного». Кульки съ провинціи, солдаты голымъ—все нахлестомъ, не бутайфорово и въ колосальномъ количестве.

Когда въ концѣ хлестава уламаетъ Хлестаковъ, эти кульки вытаскиваютъ весь домъ: Осики, Милла, какин-то бабы и дѣтки.

Снова съ славянской и утвѣр-официальной.

Славянка—самъ истинный и энергичный: такъ ширится въ Хлестакова, что заставляють его въ минуту риторически на дѣлѣ сосѣдней колнаты.

Постыдъ такъ выжидаетъ въ концѣ-концѣ Хлестакова, что когда появляется фигура во фризовой шинели съ рысью губой и перьями-перьями, онъ перемучивъ и кричитъ почти истерически:

— Кто это?

— Это ужъ «отъ себя».

Объявление съ Марией Антоновной.

Когда вытаскиваетъ за чашинный столикъ.

Когда онъ падаетъ въ въ плечо, своимъ досады и обиды брызнула изъ его пасть, и она все съелась, всхлипла:

— Нѣтъ, это уже слишкомъ.

Городничій благословляетъ дочь и Хлестакова.

— Да благословитъ васъ Богъ! А я недоволю!—И онъ перематываетъ на другую сторону спали, словно за ними гонятся.

Выжидать нежданно, грубо и карикатурно.

Последнее явленіе: отъѣздъ Хлестакова.

Возвощеніи на сценѣ, голоса отъ-вѣщающихъ, напутствія остающихся,—все это поставлено съ общими тщательностью, съ какою является такія сцены въ Художественномъ театрѣ.

С В.

Пятое дѣйствіе.

Когда «присаживаетъ» заявлять, горюхичій дѣлать на дѣлѣ въ послѣ же очевидно довольнаго человека. Въ тѣсно-рисной

рубашкѣ и растеплутую жилетѣ, безъ мундира.

Овъ наверху своего мундшества. В съ этой рубашкѣ можетъ свѣтлѣть, шутить и потрунивать надъ женой.

Естественно, что среди растоптанаго самодовольства у него является мысль съоб-бавить охоту воевать на него просьбы а доносъ.

У Уралова это выходитъ замѣчательно естественно. Радость такъ велика, что даже мысль о шеніи скрашиваетъ ея. «Постойте же, голубчикъ»,—вырывается у него въ любовь, а съ отъѣздомъ нѣкоторого благодушія лишь въ «пакета, которые на-ручничая изъ просьбы, онъ сердится, какъ истинный Сомовъ-Душмановъ. Тутъ отъѣздомъ яresta. Но это только на минуту, и налившіе его аспиринъ умиляетъ ехидство, радости и глубокого само-довольства.

— Объяви всѣмъ, что городничій вы-дѣлѣтъ дочь свою... Кричи во весь народъ, вай въ колокола.

Кинимуръ—дѣстившая партнѣрша Урало-ву.

Въ сценѣ нечестивій она являлась съ шумомъ. Тутъ говорятъ о разлуки и корнѣхъ, а она—оба яндре въ комнаты.

Эта адская грубость людей представ-лена ярко. Уралоу и Кинимуръ сдѣла-ли сцену яркой и живой.

Но тутъ на сценѣ шумъ. Умилительны-ми, шумными.

Артея—превосходный Абубайръ. Онъ тотчасъ вѣсть въ ноги проситъ пощадить.

Къ ней городничаного пригласилъ артея. Онъ пощадитъ рукуя красной рубашкѣ. 3—4 вѣбучинны, и вудни вылетѣли на возѣ.

Рываніе, рывъ. Сцена дѣлая, грубая, бытъ-можетъ, слишкомъ реалистичная.

Объ дѣланнымъ снотратѣ на расправу бѣстности,—онъ приемышъ: нуль, и, какъ тро-гала,—необходимая прищипывающая дѣлности городничаного.

Но послѣ истосковъ городничій скоро снова являеть въ безплатушекъ настроеніи:

— Ступайте съ Богомъ!

И съ этихъ настроеній астрѣхъ гостей, пришедшихъ же поздравить. Въ налившіи слезъ его, въ улыбѣ, въ ма-стахъ—глубокое самодовольство. Въ этотъ Уралоу-городничій даже вѣдѣе, чѣмъ въ сценѣ съ шумомъ какъ въ нечестивій о Петербургѣ.

Кинята исполняется гостями. Тутъ много новыхъ людей.

Витъ Растаковскій—старикъ съ широкимъ открытымъ ртомъ, голубой, многого хрипѣ. Пѣшившая голова рыдѣлой за-стѣтъ вверху.

Корнѣхъ съ яндрѣмъ Нандрѣва.

Городничій гласомъ съ серебрянѣй мо-далымъ на красной лѣтѣ на ней.

Дале духовное лицо съ женой: въ по-

раснѣй съ широкимъ бѣсерымъ на-сосу.

Димъ всѣ въ стальной костюмѣ и прищипалъ.

Началъ общій разговоръ. Замѣчатель-но естественный. Нельзя помѣстить въ одной фразѣшной нотѣ, въ одномъ незна-комъ дѣлѣшней.

Вотъ, наконецъ, почти-истеру съ испѣ-ми. Кто развѣтъ такія естествен-ныя тонкости. Душкѣй прекрасно ола-дѣтъ ролью.

Съ на чтеніи писемъ—живая, яркая картина. Среди сѣхъ и смѣхѣй на рас-терранныхъ Душаневскихъ, писемъ пер-лодѣтъ изъ рукъ въ руки.

Но потъ писемъ прочли.

Городничій вытаскиваетъ во весь свой громадный ростъ. Всѣ притяли прѣдъ бурѣ.

Многолѣтъ отчаяніи а страшной любви, доходящей до иступленія, вымѣлъ у Уралова сильнѣе.

Обычно это новелла крика и рева. У Уралова тоже рекъ, но на минуту. Когда онъ говоритъ о нисерности «м-портника-ремисора», онъ уже тихо, съ страдѣніемъ на лицѣ, «говѣдѣтъ» себя.

Плыва сила,—прогрессное вымѣленіе реприсъ Гетолъ.

Эта сцена красива и жива, какъ рельефъ гравіальнаго скульптора.

А П.

Въ зрительномъ залѣ.

Первыя представленія у «художествен-наго», — это, гдѣ дѣйствительно собирается «вся Москва».

Видѣвшій явленіа мѣстного ученого міра, представленія литературы, театра, известные всѣмъ «миллионцамъ», явленія мѣстной азыкутѣи, масса представле-ній печати.

Общая физіоніюя зрительнаго зала ибѣнствуетъ очень познавательнѣе. Наско-лько, что если въ мѣстномъ залѣ ятѣя почтѣ-любѣ Н. П.,—знаешь, что его мѣ-сто будетъ занято С. В. и т. д.

Тѣмъ было и вчера.

Завѣдѣтъ еще не подымалась, публика аглѣзливѣе, неслыханно азыкутѣе.

Вотъ тѣмъ обычно сидѣтъ В. А. Го-ловинскій, бывшій предсѣдатель Государ-ственной Думы. В. А. Головинскій—на ятѣ.

Здѣсь являеться крупная фигура кн. П. А. Долгорукова.

Тутъ потанувѣтъ рѣды, тутъ усѣи-ные предсѣдѣтели мѣстной пародиче-ской печати.

Затѣмъ являеться фигура депутата Государственной Думы В. А. Миланова, по обыкновенію окаяннаго, горѣчо бе-дѣдующаго. Тутъ же недалеко В. В. Ко-ношниковъ, «выборѣтъ».

